

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Проф. А. Н. Гвоздев, *Очерки по стилистике русского языка*, Издательство Академии педагогических наук РСФСР, М., 1952, стр. 335.

«Очерки по стилистике русского языка» проф. А. Н. Гвоздева представляют собою опыт пособия по стилистике, рассчитанного на преподавателей и студентов педагогических институтов (см. Предисловие, стр. 3). Сам автор предупреждает читателей, что в его книге много спорного «как в отношении общей структуры и концепции стилистики, так и в освещении отдельных вопросов». И действительно, несмотря на то, что пособие А. Н. Гвоздева содержит немало ценных и тонких наблюдений над отдельными грамматическими процессами и стилистическими явлениями современного русского языка, оно не разрешает проблемы построения стилистики национального языка. Прежде всего, автор не дает ясного и отчетливого представления о *норме* или о *нормах* общенародного языка.

А. Н. Гвоздев выдвигает два «основных признака языковых норм»: а) «единство, единообразие, отсутствие разлоба, общепринятость языковых явлений» и б) «устойчивость, сохранность, неизменяемость в течение длительного исторического срока» (Введение, стр. 7). Но это — общие признаки структуры языка. Понятие *нормы* языка предполагает внутреннее *единство многообразия*. Это понятие не может быть определено без учета исторической смены и исторической изменчивости языковых явлений, без учета борьбы старого и нового в языке, без учета развития формы речевого общения. Понятие языковой нормы диалектически основывается на признаках устойчивости языковой структуры и динамики языкового развития. Это понятие может быть раскрыто лишь на фоне широкой картины отношений общенародного языка — во многообразии его функций и общественных проявлений — к социальным жаргонам и арго, к народным диалектам, на фоне описания основных типов функциональных разновидностей литературного языка как высшей, обработанной формы общенародного национального языка. Во всяком случае, данное А. Н. Гвоздевым определение языковых норм не приводит к пониманию сущности и задач стилистики: автор смешивает стилистику с нормативной грамматикой.

«В связи с вопросом о соблюдении языковых норм литературного языка и о *мастерстве использования языковых средств* (курсив мой. — В. В.), — пишет А. Н. Гвоздев, — при изучении русского языка выделяются два раздела, близко соприкасающихся между собой, — нормативная грамматика и стилистика» (Введение, стр. 7—8). Сначала читатель остается в недоумении, почему рядом с нормативной грамматикой не упомянуты *нормативная лексикология* и *нормативная фонетика* (т. е. орфоэпия). Однако дальше выясняется, что А. Н. Гвоздев неправоммерно, в противоречии со сталинским учением о составе и содержании грамматики, искусственно расширяет границы и задачи нормативной грамматики. По словам А. Н. Гвоздева, «задачей нормативной грамматики является установление норм литературного языка, выяснение того, что в нем допустимо и что, наоборот, находится за его пределами и нарушает общепринятое в языке; она делает предупреждения о таких грубых ошибках, которые обязательно должны быть исправлены» (стр. 8). Совершенно ясно, что здесь нормативная грамматика, переплетающаяся со стилистикой, мыслится как универсальная наука о языке, охватывающая всю его структуру: не только грамматический строй, но и словарный состав с его внутренним ядром — основным словарным фондом, а также производительные нормы языка. В этой связи становится понятным, почему в «Очерках по стилистике русского языка» рассказывается о множестве грамматических фактов современного русского языка, которые относятся непосредственно к грамматике. Вот несколько иллюстраций.

«§ 123. Особо стоят притяжательные на *-осый, -иный*. Они, прежде всего, обозначают принадлежность не одному лицу или животному, а всему классу таких лиц и животных; затем в них нередко на первый план выступает качественный оттенок, особенно тогда, когда они употребляются в переносном значении; так, *утиные яйца* — это яйца не одной определенной утки, а уток в отличие от кур, гусей и т. д., а *утиный*

нос — это не всегда нос утки, а часто такой, как у утки. Эти прилагательные, в противоположность таким, как *отцов*, являются общеупотребительными. Чаще всего они образуются от названий животных, например: *бобровый, китовый, островной, слоновый, гусиный, звериный, хуриный, лебединый, лошадиный, пчелиный, соколиный* (стр. 105). Спрашивается, что же в этом рассуждении относится к стилистике, кроме указания на общеупотребительность рассматриваемого словообразовательного типа? (Ср. также следующие § 124 и 125).

«§ 147. Указательное местоимение „*тот*“ и определительное „*такой*“ нередко раскрываются придаточными предложениями. Так: *Сейчас, на Элтоне, он вдруг почувствовал, что именно здесь и лежит тот предел, за который уже нельзя переступить*. (К. С и м о н о в, Дни и ночи.), *Они оба невольно посмотрели в ту сторону, куда предстояло идти полку*. (Т а м же.) Необходимо следить, чтобы при замене придаточного предложения причастным оборотом в главном не осталось этого местоимения, так как оно в таких случаях не употребляется» (следуют примеры, стр. 116). Ср. также § 148 и 160. И тут мы имеем дело с отрывочными сведениями, заимствованными из описательной грамматики.

Мало стилистических указаний и наблюдений содержится также в § 183—200, объединенных под названием «Времена глаголов» (стр. 137—148). Здесь явно преобладает типичный общеграмматический материал. (Ср. § 184, 187 и др.)

Точно так же раздел о деепричастии (§ 237—244) почти целиком (кроме, разве, сопоставления форм: *волнуя — волнуяще, ослепляя — ослепляюще* и т. д.) содержит простое описание относящихся к этой категории общих грамматических явлений русского языка.

В области синтаксиса характеристика соединительной связи, противительных и разделительных отношений между однородными членами предложения, осуществляемая посредством определения значений соответствующих союзов, а иногда и указания на круг их употребления, также содержит очень мало таких сведений, которые выходят за границы грамматической природы этих явлений и словарного описания функций союзов (§ 382—405, стр. 242—250).

В описании видов сложного предложения, особенно сложноподчиненного предложения, также очень трудно иногда найти что-нибудь специфически стилистическое. (Ср., например, § 481—490 — о *доказательных* предложениях, § 500—517 — об *определятельных* предложениях, § 519—534 — о *временных* предложениях и т. п.)

Для оценки положенного в основу «Очерков» понимания взаимоотношений между стилистикой и нормативной грамматикой, быть может, наиболее показательна глава о предложениях цели (§ 581—584). Здесь мы находим такие сведения:

«Предложения цели, выражающие цель, назначение действий, имеют незначительные различия в связи с употребляемыми союзами.

1) Обычным союзом является „*чтобы*“; указание на цель усиливается употреблением указательного слова „*для того, чтобы*“, „с тем, чтобы“, „затем, чтобы“, „с той целью, чтобы“.

Для конструкции придаточных предложений характерно, что часто в придаточном сказуемом выражено инфинитивом. Такое придаточное особенно тесно связано с главным, в отдельных случаях сближаясь с инфинитивом в простом предложении; инфинитив, как и в других случаях его употребления, выражает модальность, обычно указывая на возможность: *Девочка села у окна, чтобы видеть демонстрацию*. Сравни: *Девочка села у окна, чтобы можно было видеть демонстрацию...* Когда в придаточном употребляется условное наклонение, оно более самостоятельно; при этом часто действия главного и придаточного предложения совершаются разными лицами. *Мать посадила девочку у окна, чтобы она видела демонстрацию...*

Сочетание „*для того чтобы*“ может целиком входить в придаточное предложение...

2) союз „*дабы*“ имеет несколько архаический оттенок...

3) Отношение известной цели, указание на то, что действие производится не с той целью, которая приводится, выражается посредством отрицательной частицы „*не*“, помещаемой перед указательным местоимением, — „*не с тем, чтобы*“, „*не для того, чтобы*“: *Я пришла не с тем, чтобы продолжать неприятный разговор...*

Следует отметить, что такое отрицание указываемой цели отличается от случаев, когда частица „*не*“ стоит перед сказуемым придаточного предложения: *Я замолчал, чтобы не продолжать неприятный разговор*. Здесь действие главного предложения мотивировано достижением цели, только эта цель состоит в достижении не положительного, а отрицательного результата.

Обыняком стоят предложения отстраненной и неосуществленной цели, имеющей (?) в придаточном сочетании „*вместо того чтобы*“ (стр. 315—316).

Вот и все, что А. Н. Гвоздев нашел необходимым сказать в «Очерках по стилистике русского языка» о сложноподчиненных предложениях цели. Кроме ссылки на архаический оттенок, вносимый союзом «дабы», содержание этого раздела ничем не отличается от обычной грамматической характеристики описываемых явлений.

Таким образом, вместо изображения стилистических вариантов в кругу

одной и той же семантической и грамматической категории или вместо описания с т и л и с т и ч е с к и х вариаций русского литературного языка, в «Очерках» очень часто развертываются картины и серии г р а м м а т и ч е с к и х конструкций современного русского языка. Место стилистики в общей системе языкознания, в кругу других лингвистических дисциплин остается не определенным. А. Н. Гвоздев совсем не говорит также о том, возможна ли стилистическая точка зрения на звуковой состав языка, включается ли в стилистику учение о стилях произношения в их историческом развитии. Автор сблизает стилистику с нормативной грамматикой, с одной стороны, и с семантической или семасиологией — с другой. Он пишет: «Важность разработки вопросов стилистики, рассматривающей явления языка со стороны их значения, вытекает из той исключительной роли, какую играет значение (семантика) в явлениях языка, как об этом пишет И. В. Сталин в ответе тов. Крашенинниковой: „Семантика (семасиология) является одной из важных частей языкознания. Смысловая сторона слов и выражений имеет серьезное значение в деле изучения языка. Поэтому семантике (семасиологии) должно быть обеспечено в языкознании подобающее ей место“ (И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, изд-во «Правда», 1950, стр. 32). При этом для стилистики руководящим указанием первостепенной важности служит учение И. В. Сталина о связи мышления с языком, о невозможности возникновения мыслей без языкового материала, в оглоленном виде... Стилистика и производит анализ значения явлений языка, представляющих собой языковой материал: слов и их форм, предложений, их типов, их членов» (стр. 9).

Совершенно ясно, что А. Н. Гвоздев пользуется словом *семантика* в двух очень далеких, разнородных значениях. С одной стороны, семантика — это одна из важнейших частей языкознания, изучающая смысловую сторону слов и выражений. В этом направлении возникает вопрос о том, понимать ли термин *выражения* расширительно, включать ли в его состав предложения, их типы, их члены или же рассматривать *выражения* только в лексико-фразеологическом плане. При расширительном понимании объема и задач семантики (семасиологии) круг грамматических «значений» войдет в ее сферу, и грамматика частично сольется с семантикой, вобрав в себя грамматические значения «слов и их форм, предложений, их типов, их членов». А. Н. Гвоздев не останавливается на всех этих важных проблемах. Он склоняется к другому, профессионально-языковедческому, несколько арголическому употреблению слова *семантика* как синонима слова *значение*. (Ср. названия некоторых очерков А. Н. Гвоздева: «Семантика степеней сравнения и их употребление в стилях речи», стр. 106; «Экспрессивные и семантические оттенки личных местоимений», стр. 116; «Синонимика и семантика других видов местоимений», стр. 124.) Тем самым обходится, оставляется в стороне проблема соотношения и взаимодействия стилистики и семасиологии как важнейших частей языкознания. Вследствие этого семантические основы стилистических наблюдений и замечаний А. Н. Гвоздева оказываются не вполне определенными и недостаточно устойчивыми.

Уклон к семантике сказывается, прежде всего, в том, что автор иногда идет от грамматических понятий и категорий к способам и формам их выражения. Такой подход к грамматическим явлениям акад. Л. В. Щерба связывал с задачами так называемого «активного синтаксиса». В этом духе и стиле в книге А. Н. Гвоздева дан, например, анализ глагольных наклонений (§ 201—223, стр. 148—157). Здесь перечисляются способы «выражения просьб и призывов», «выражения желательности действий», «выражения необходимости действий». В качестве иллюстрации можно остановиться на описании способов выражения необходимости действия. По словам А. Н. Гвоздева, «наиболее обычным в русском языке выражением необходимости по желанию говорящего служат модальные слова *нужно, надо, необходимо, нельзя, невозможно: Вам нужно экономить материал; Вам надо обратиться к врачу, Ему не надо выходить на мороз...* Все эти выражения носят констатирующий характер и не обладают экспрессивностью». «Экспрессивным выражением необходимости служит форма инфинитива в сочетании с дательным падежом, обозначающим лицо. Этот оборот без отрицания встречается редко: *Тебе — большим человеком быть, понял?* (Горький и, Дело Артамоновых.); пословица *Плыть, да быть* (= хоть придется плыть из-за бездорожья, но нужно добраться). Обычно этот оборот встречается с отрицанием...» (стр. 155—156).

Легко заметить, что инфинитивные предложения этого типа без отрицания обычно выражают не столько необходимость, сколько неизбежность и даже предопределенность действия. В этом смысле понимается и пример из «Дела Артамоновых» Горького: *Тебе — большим человеком быть, понял?* Ср. *Быть бычку на веревочке; Быть грозе великой* и т. п. Лишь при отрицании возникает оттенок невозможности, безусловной, категорической неосуществимости действия. Ср. приведенные А. Н. Гвоздевым примеры: *Врагу не выдержат удара; Войне не быть* и т. п. Непонятно также, почему под ту же категорию необходимости подводятся формы вынужденного долженствования, вроде: *Вы идете на концерт, а мы сиди дома; Им бал, а батюшка таскайся на поклон* (Грибоедов, Горе от ума) и т. п. (стр. 155—156).

Таким образом, самое понятие «необходимости» оказывается здесь очень широким и расплывчатым. Поэтому и рассматриваемые А. Н. Гвоздевым синтаксические формы

не являются параллельными, синонимическими. Достаточно произвести эксперимент с примером из «Дела Артамоновых» Горького: «У Тихона были свои мысли. „Родился, ну, и живи (= должен, обязан жить) до смерти“, — говорил он». Сопоставление с этой фразой других конструкций, по мнению А. Н. Гвоздева выражающих «необходимость», показывает несовпадение их общего значения: «Родился, ну, и необходимо (нужно, надо) тебе жить до смерти» и «Родился, ну, и жить тебе до смерти».

Четкость и неясность основных семантических понятий и категорий, положенных А. Н. Гвоздевым в основу стилистического исследования, особенно остро дает себя чувствовать в разделе лексики, который «занимает в стилистике одно из первых мест» (стр. 27). Не предлагая никакого определения термина «значение» в применении к лексике и грамматике, автор, естественно, не может дать точного и ясного представления о синонимах. По его словам, «как правило, синонимами, имея общее ядро значения, имеют разнообразные расхождения в значении» (стр. 31). Эти расхождения иллюстрируются такими примерами: *теплый — горячий; пожилкой — старый; таяселый — неподъемный; краснуций — румяный; порицать — упрекать; напасти — неприятности* и т. д.

Очевидно, у всех этих пар слов признается наличие «общего ядра значения». Слово *желательно* включается в такую «синонимическую группу, необходимую в деловой речи»: *нужно, надо, надобно, необходимо, требуется, следует* (стр. 36). На каких основаниях *желательно* и *требуется*, *пожилкой* и *старый* признаются синонимами, остается неясным. (Ср. другие «синонимические пары»: *красноватый — красный; большой — необъятный; темный — непроглядный* и т. п.). В романе Юрия Лаптева «Путь открыт» («Октябрь», 1952, № 8, стр. 44) находим такое противопоставление слов *пожилкой* и *состарившейся*: «Кажется, мало людей, так довольных своей жизнью, как Алексей Алексеевич Воробьев. Вот и он идет к себе в клуб не под руку, а за руку со своей пожилой, но не состарившейся женой Аграфеной Петровной — могучей и спортивной женщиной, одетой по-старинному в сборчатую юбку и расшитую кофточку». Ср. «пожилкой, но еще не старей».

Очевидно, в термин «синоним» вкладывается А. Н. Гвоздевым слишком широкий смысл. Далеко не все слова, входящие в однородные или близкие семантические ряды, являются синонимами. Кроме того, при таком свободном и неопределенном понимании семантической сущности синонима и смысловых границ синонимической группы слов, было бы целесообразно выделить и установить разные типы синонимов и более подробно остановиться на вопросе о синонимии значений и фразеологического употребления слов, на вопросе о структуре синонимических рядов или серий слов, на вопросе о семантической базе синонимического ряда, об отправном, начальном, исходном его члене и членах периферийных и т. д.

То же нечеткое, недостаточно углубленное понимание и определение основных семантических категорий обнаруживается и в главе об омонимах. А. Н. Гвоздев смешивает омонимы и омоформы. Так, он считает омонимами форму именительного падежа единственного числа существительного *пила* и форму прошедшего времени женского рода от глагола *лечь* — *пила* (стр. 39). Автор не замечает различия между омонимами в структуре языка и каламбурными созвучиями слов и словосочетаний в индивидуальном стиле. Он думает, что двойное понимание омонимов лежит в основе таких каламбурных рифм Д. Д. Минаева:

Область рифм — моя стихия,
И легко пишу стихи я;
Без раздумья, без отсрочки
Я бегу к строке от строчки,
Даже к финским скалам бурям
Обращаюсь с каламбуром.

Поэтому и общее представление о роли омонимов и об их типах в строе русского языка у А. Н. Гвоздева — ошибочное. В сфере приставочного глагольного и отглагольного именного словообразования в современном русском языке омонимы принадлежат к нескольким очень продуктивным типам (например: *свести откуда* и *свести вместе; обходить все* и *обходить кого-нибудь чем-нибудь; просмотреть* в значении «пропустить» и в значении «бегло ознакомиться»; *отправить поезд* и *отправления организма; отразить что-нибудь* в художественном произведении и *отразить врага* и т. п.). Между тем А. Н. Гвоздев дает такую общую характеристику омонимов и их роли в русском языке: «Омонимы противопоставляются синонимами в том отношении, что, имея общую языковую материю, омонимы не разграничивают разных по значению слов, тогда как синонимами, будучи словами с разным звуковым составом, помогают различению сходных значений. Так как омонимы дают основание смешивать разные по значению слова, то они представляют своеобразный дефект языка и, по наблюдениям ряда авторов, отсеиваются от языка» (стр. 39).

Таким образом, А. Н. Гвоздеву не удалось определить место стилистики в ряду других лингвистических дисциплин, ее отношение к таким важным частям языкознания,

как нормативная грамматика и семантика. Он охотно и щедро переносит в свои «Очерки по стилистике русского языка» целые отделы и главы нормативной грамматики. Вместе с тем А. Н. Гвоздев склонен видеть в стилистике своеобразную семантику «тонких оттенков», выразительных нюансов. «По преимуществу она анализирует, — пишет А. Н. Гвоздев, — разнообразные тонкие оттенки значения с точки зрения их использования, помогает решать вопросы выбора близких по значению языковых приемов, не вполне равнозначных, а отличающихся теми или другими оттенками, иногда очень тонкими и трудно уловимыми. Такой выбор в значительной мере является делом мастерства» (стр. 8). Автор вспоминает переченные знаменитого художника К. П. Брюллова: «Искусство начинается там, где начинается чуть-чуть», — и добавляет: «Анализ этого „чуть-чуть“, т. е. разнообразных незначительных сдвигов в выразительных средствах, и составляет предмет стилистики» (стр. 8). Однако, несмотря на все эти декларации, основные положения теории художественной речи так же, как и основные положения семантики (семасиологии), остаются в «Очерках» А. Н. Гвоздева не раскрытыми; связь стилистики с изучением специфики художественной речи, с задачами этого изучения не объясняется. С одной стороны, лингвистическая стилистика, по мнению А. Н. Гвоздева, должна рассматривать выразительные средства художественной речи с точки зрения их значения и экспрессии; но, с другой стороны, стилистика выделяется «как проблема литературоведения, которая ставит целью выяснение того, как писатели для воплощения своих художественных замыслов, для выражения своей идеологии используют выразительные средства, которыми располагает язык. Каждая из этих разновидностей стилистики имеет свой аспект...» (стр. 10). В чем состоит этот аспект, какие понятия и категории лежат в основе той и другой стилистики — остается необъясненным; автор ограничивается заявлением, что обе эти разновидности стилистики имеют много точек соприкосновения» (стр. 10).

Несмотря на указанные серьезные недостатки, «Очерки» А. Н. Гвоздева, имеющие «практический характер» (стр. 23), представляют несомненный интерес. Здесь собран значительный грамматико-стилистический материал и изложено много наблюдений и соображений, действительно относящихся к грамматической стилистике русского языка. А. Н. Гвоздев совершенно правильно указывает на то, что в круг задач стилистики входит выяснение особенностей в значении и экспрессии различных синонимических языковых приемов (стр. 8), оценка выразительных средств языка «с точки зрения их большей или меньшей пригодности для выражаемого содержания» (стр. 9), рассмотрение целесообразности использования языковых явлений из всех областей языка (стр. 24). Стилистическая часть «Очерков» А. Н. Гвоздева включает в себя общее учение о стилях литературного языка, анализ стилистических пластов словаря и фразеологии, попытку описания стилистических ресурсов морфологии и синтаксиса современного русского языка. Наименее самостоятельными и, пожалуй, наиболее слабыми главами работы являются теоретическое введение и разделы, посвященные лексике в морфологии; больше всего ценных самостоятельных наблюдений содержится в главе о синтаксисе.

А. Н. Гвоздев определяет стили языка как ответвления или «разновидности языковой системы в зависимости от целей речи и ее содержания» (стр. 13). При многозначности выражения «языковая система» это определение становится туманным, тем более что «ответвлением» или «разновидностью» общепринятого языка признается и диалект. А. Н. Гвоздев справедливо отмечает, что у нас «нет какого-либо общепринятого перечня и классификации» языковых стилей. Сам же он руководствуется общим разграничением двух основных стилей — стиля разговорной речи, в котором выделяется просторечный стиль, и стиля книжной речи, который в свою очередь распадается на ряд разновидностей: а) научный стиль с примыкающим к нему деловым стилем; б) стиль художественной речи, со своей стороны включающий в себя «большое число разновидностей», и в) публицистический стиль (стр. 13—14). Нечетность и неопределенность этого членения очевидна. Так, например, А. Н. Гвоздев заявляет, что «образцом разговорного стиля являются многие диалоги драматических произведений» (там же). Возникает вопрос, относится ли язык драматических произведений к стилю художественной речи, являющемуся разновидностью «книжного стиля»?

И в дальнейшем изложении место стиля художественной речи в общей системе стилей современного русского языка характеризуется противоречиво и сбивчиво. Так, описывая стилистическую роль идиом и их связь с разными стилями речи, А. Н. Гвоздев сближает художественную речь с разговорным стилем. Он пишет: «Очень разнообразна идиоматика и фразеология бытовой речи, в ней нередко встречаются образы с чертами юмизма, придающими речи живописный характер, в ходу алогизмы и гиперболы, отражаются черты давно оставленных и забытых верований, нередко комически переосмысляемых. Они являются типичным элементом разговорного стиля, создавая живость и непосредственность, естественную художественность речи» (стр. 65—66; курсив мой. — В. В. Ср. также стр. 110, § 134). Точно так же словообразовательные средства «стиля юмора, сатиры» (стр. 84), типичного для сатирических произведений (стр. 15), «широко встречаются в разговорной речи, некоторые из них имеют особенно ярко выраженный характер разговорного стиля и даже просторечия» (стр. 84).

Таким образом, характеристика стиля художественной речи как простой разновидности книжного стиля оказывается неосуществленной. Впрочем, о стиле художественной речи по описанию А. Н. Гвоздева вообще очень трудно составить хоть скольнибудь определенное представление. Так, остается неясным, какое место в стиле художественной речи, особенно в наше время, занимают так называемые «поэтические слова». О них А. Н. Гвоздев отзывается так: «Эта группа примыкает к торжественным словам; слова этого рода также создают приподнятость речи, но они свойственны больше художественной речи и не употребляются в публицистике (за редкими исключениями)». Отбор этих слов производился по преимуществу лирикой XIX в., в конце концов они стали выступать как выразители условно красивого, вследствие чего с ними вели борьбу такие художники слова, как Чехов и Маяковский» (стр. 57). Читатель так и не узнает, о чем здесь идет речь — о лексических штампах условной «красивости» стиля или о существенных признаках современной художественной речи. Далее перечислены такие слова: *лазурный, обалстительный, чудный, божественный, безбрежный, безмятежно, лелеять, краше, грезы, чары*.

Недоумение читателя еще более возрастает от того, что в дальнейшем изложении не указывается никаких других отличий стиля художественной речи (кроме использования фольклорных слов и фольклорной идиоматики) в области лексики и фразеологии. Правда, есть случайное упоминание о том, что в художественных произведениях, рисующих дореволюционное прошлое, употребляются дореволюционные слова. Об этом говорится так: «Группа дореволюционных слов включает названия социальных положений, званий, должностей, бытовых отношений, понятий, употребительных в дореволюционной России и отмененных или вышедших из употребления в результате Великой Октябрьской социалистической революции. Вследствие этого слова такого рода, обозначая черты чуждого нам быта, прежде всего становятся архаизмами, для употребления которых в повседневной речи не представляется поводов: они по преимуществу встречаются в художественных произведениях, рисующих дореволюционное прошлое (Чехов, Горький)» (стр. 54).

С художественными произведениями связывается также «лексика, характеризующая быт разных народов», «обозначающая характерные черты национального быта» (стр. 53). Сюда относятся слова, создающие «местный колорит» (Украина: *запорожцы, гетман, батько, осинка, дичина, маруха* и т. п.; Кавказ: *джигит, аул, чигирь, шашлык* и т. д.; Англия: *мистер, миссис, джентльмен, лидер, файв-о-клок, спич* и т. п.; Италия: *сеньор, сеньорина, гондолы, арлекин, тарантелла* и т. п.). Но все это не затрагивает, конечно, сущности стиля художественной речи.

Невольно возникает мысль, не составляют ли специфическую особенность стиля художественной речи в области лексики те слова, которые А. Н. Гвоздев вслед за Л. А. Булаховским называет «свежими». Но характерные признаки «свежести» этих слов не разъясняются, и состав этой группы трудно себе представить на основе таких иллюстраций: *глядеть — смотреть; взор — взгляд; меркнуть — темнеть; робкий — несмелый; пыльный — лобзательный; тишь — тишина; высь — высота, вышина; кричал — кричал; слово — будто, как; изумление — удивление*. Сам А. Н. Гвоздев пишет, что свежие слова «сравнительно редко употребляются в бытовой и деловой речи и выступают как синонимы более обычных названий в целях выразительности; им чужд налет условной красоты, они просты и естественны» (стр. 58). Почему слова *глядеть, робкий* надо редко употреблять в бытовой речи, непонятно. И едва ли эта тускло очерченная группа «свежих» слов может содействовать уяснению специфики стиля художественной речи. Наряду с художественной речью иногда говорится о речи поэтической, под которой, по видимому, разумеется речь стихотворная (см. стр. 90—91). Однако «стихотворная» речь в некоторых случаях выделяется как специфическая разновидность речи художественной (стр. 103, 182 и др.).

Таким образом, и конструктивные качества «стиля художественной речи», и его положение в ряду других стилей языка остаются в «Очерках» неохарактеризованными. А это колеблет самую основу всей предложенной в «Очерках» классификации стилей литературного языка, так как огромное значение художественной литературы в развитии стилистики общезародного языка несомненно.

Совершенно независимо от предложенной им классификации стилей литературного языка А. Н. Гвоздев иногда пользуется выражениями — «литературность» и «литературная обработанность». Так, в разделе «Идиоматика» находим крылатые слова с «характером литературности». Это — «слова, связанные с теми или иными литературными произведениями и историческими событиями; почернутые по большей части из литературных произведений, они предполагают знакомство с литературой и историей». Таковы *гордыег узел, дамское меч, ахиллесова пята, сицифос труд, гомерический смех, рог изобилия, рыцарь печального образа* и т. п. (стр. 67—68).

А. Н. Гвоздев касается также «элементов литературно обработанного синтаксиса». Они отчасти связываются со стихотворной речью, отчасти с ритмической прозой или вообще со стилем «эмоционально окрашенных произведений». К таким приемам «литературно обработанного синтаксиса» относятся анафора (единоначатие), эпифора (концовка), кольцо строфы, стык, повторение слов, параллелизм и т. д. (стр. 182—187).

Эти приемы выразительности, по словам А. Н. Гвоздева, «требуют осторожного применения: они уместны лишь тогда, когда само содержание оправдывает использование ярких художественных средств речи. Наоборот, когда они широко пускаются в ход без этого основного условия, они создают впечатление стилизованной, манерной речи, в которой форма не подчинена содержанию, а выдвинута в ущерб содержанию на первый план» (стр. 187). Все эти замечания и предупреждения очень мало содействуют выяснению существа художественной речи. Ср. также указания на применение в художественной речи «факультативного обособления» в самых широких размерах (стр. 252); на характерность для «беллетристики» назывных предложений (стр. 226); на употребление в художественной литературе «синтетической превосходной степени» (стр. 108) и т. п.

Очень смутно и неясно выступают в изображении А. Н. Гвоздева и специфические черты публицистического стиля, «широко пользующегося как средствами интеллектуальной, так и средствами экспрессивной речи» (стр. 14). Об этом стиле мы узнаем, что для него характерна особая «публицистическая лексика с отрицательной эмоциональной окраской». Сюда относятся употребляемые в публицистике обозначения понятий из области идеологически чужого, враждебного, антисоветского. Примеры: *капиталисты, империалисты, шовинисты, интервенты, захватчики, белобандиты, диверсанты, гангстеры, социал-предатели, соглашатели, лакеи Уолл-стрита; фашисты, гестаповцы, коричневая чума, чернорубашечники, расисты, мракобесы; уклонисты, левые загибички, хвостисты, леваки, групповщина, протектуловцы, рапповцы, перережевщина, вулгаризаторы, талмудисты; идеалисты, морганисты* (стр. 59—60). Приводится также несколько фразеологических оборотов, «насыщенных политическим содержанием» и свойственных советской публицистике. Сюда отнесены такие термины и фразы: *генеральная линия партии, развернутое наступление социализма, зримые черты коммунизма, лицом к деревне, головокружение от успехов, герои оговорочки, «левые» загибички, безродные космополиты, бемобилизационное настроение, дымовая завеса, энлилой либерализм* (стр. 68).

Далее находим такое общее замечание: Идиомы «широко используются во всех видах экспрессивной речи — в художественных произведениях, в публицистике и в бытовой речи» (стр. 69). Отмечаются некоторые словообразовательные признаки публицистической речи: указывается, например, на особую распространенность в публицистике и критике собирательных существительных качественно-отрицательной оценки с суффиксом *-щина*: *мажаровщина, обломовщина, смердяковщина, окурочина, кружковщина* (стр. 92. Ср. также стр. 85).

В сфере синтаксических конструкций никаких особых примет публицистической речи не указывается: есть лишь общие сближения публицистического стиля с разными видами экспрессивной речи.

Кроме того, отдельно говорится о газетной речи — без указания на отношение ее к публицистическому стилю: «В газетной речи почти всегда предпочитают обороты с причастиями». Всего этого, конечно, мало для определения лексико-фразеологических и грамматических своеобразий публицистического стиля. Таким образом, в «Очерках» А. Н. Гвоздева более или менее подробно и систематически описываются лишь общие признаки двух стилей: разговорной и книжной речи, а также отчасти — стиля научной и деловой речи как разновидности книжного стиля.

В сфере изучения характерных признаков синтаксиса разговорной и книжной, в частности научной, речи А. Н. Гвоздевым сделаны интересные и тонкие наблюдения. Особенно ценными и самостоятельными представляются некоторые формулировки и обобщения, касающиеся специфических особенностей синтаксиса разговорной речи (например, описание «формирующегося, ступенчатого предложения» с дробным присоединением частей, анализ разных форм синтаксической контаминации, наблюдения над приемами синтаксического построения диалога и др., см. стр. 187—196). Не лишена интереса и сводка синонимических конструкций, распределенных по грамматическим категориям.

В области морфологических явлений А. Н. Гвоздев добавляет мало нового к уже имеющемуся анализу и описанию функций морфологических категорий. (Ср., впрочем, отдельные наблюдения над «экспрессивными и семантическими оттенками личных местоимений», см. стр. 119—123; над «выражением просьбы и приказов», см. стр. 148—154.) Разделяя мнение А. М. Пешковского об ограниченности стилистических возможностей морфологии, А. Н. Гвоздев пишет: «В общем, морфологическая система русского языка, будучи единой в основной массе своих категорий и форм, имеет только незначительные своеобразные ответвления» (стр. 79). С этой точки зрения дается сводка различий в области словообразования и в области употребления отдельных форм и конструкций между стилями деловой и, шире, книжной речи, с одной стороны, и разговорной, с другой. «Несмотря на отсутствие полной четкости в приурочении к тому или иному стилю отдельных явлений, все же наличие известных ответвлений, характеризующих отдельные стили, несомненно», — заключает автор общую характеристику стилистических ресурсов морфологии, опирающуюся на данные наших словарей и грамматик.

Гораздо более свободно и самостоятельно излагает А. Н. Гвоздев вопросы синтак-

сической синонимии. Он правильно замечает, что синтаксис имеет для стилистики исключительное, первостепенное значение, так как «русский язык располагает огромным запасом синтаксических синонимов, т. е. параллельных оборотов речи, которые различаются только тонкими оттенками в значениях и поэтому во многих случаях могут заменять один другой» (стр. 175). Синтаксическая синонимия русского языка связывается А. Н. Гвоздевым, в основном, со стилистическими различиями речи научной и деловой, шире, литературно-интеллектуальной и разговорно-экспрессивной, широко используемой и в художественной литературе. Правда, здесь отсутствуют наблюдения над стилистическими функциями порядка слов, над выразительными возможностями синтагматического членения, над синтаксическими единствами — более крупными, чем сложное предложение. И все же наблюдения А. Н. Гвоздева в области синонимии синтаксических конструкций, пусть разрозненные, лишенные внутреннего единства и не опирающиеся на широкие синтаксические обобщения, представляют собою шаг вперед. В них обнаруживается большая наблюдательность автора, его тонкое языковое чутье и горячая любовь к русскому языку. Кроме того, читателю будет очень полезен значительный иллюстративный материал, самостоятельно и вдумчиво подобранный из художественной, научной, публицистической литературы.

В сущности этим признаем заслуг автора и положительной оценкой отдельных интересных наблюдений его в области стилистики выразительных средств русского синтаксиса можно было бы и закончить критический разбор «Очерков по стилистике русского языка». Следовало бы прибавить, что общий уровень грамматического анализа и стилистической интерпретации синтаксических явлений в книге А. Н. Гвоздева во многом зависел от состояния разработки соответствующих проблем в грамматике русского языка. Отсутствие прочной и глубокой синтаксической базы для стилистических исследований и обобщений особенно наглядно сказалось в тех разделах «Очерков», которые посвящены стилистическому анализу сложного предложения и его типов.

Однако в заключение необходимо в самих общих чертах коснуться и другой изложенной в «Очерках» схемы стилистического деления, основанной на экспрессивных качествах речи. Наиболее обычными разновидностями стиля с этой точки зрения, по мнению А. Н. Гвоздева, являются стили торжественный (или риторический), официальный (или холодный) и интимно-ласковый, шутливый, насмешливый (стр. 14).

К сожалению, понятие речевой «экспрессии», «экспрессивной речи» в книге не анализируется и не раскрывается. Поэтому остается неясным, какие экспрессивные качества различаются автором в грамматических явлениях (если не относиться к ним словообразования). Различаемые А. Н. Гвоздевым разновидности экспрессивной окраски иллюстрируются им главным образом на примерах из области лексики, фразеологии и словообразования. Впрочем, все эти экспрессивно-стилевые краски распределяются по двум категориям — положительной и отрицательной оценки.

При попытке разбить по намеченным стилистическим разрядам пласты современного словаря А. Н. Гвоздев торжественные слова отделяет от риторических. К торжественным словам он относит такие, как *сокровенный, зрелый* (в значении «судьба»), *кончина* («смерть») и т. п., к риторическим — *неимущий* («бедный»), *негабанный, предначертание* и т. п. (стр. 56—57). Однако в сфере фразеологии риторическую окраску он не отличает от торжественной (стр. 68). В другом месте А. Н. Гвоздев говорит уже не о риторическом стиле, а о «риторическом языке», который «применяет различные приемы аффективной речи, но в обработанном виде» (стр. 177). В анализе же стилистических пластов словаря выделяются экспрессивных вариаций речи у А. Н. Гвоздева значительно расширяется: выделяются по экспрессивной окраске слова «свежие», неодобрительные, напыщенные, архаически-комические (к таким почему-то отнесены — *ковзловласие, праздношатающийся* рядом со словом *благоверный* в значении «муж»), иронически-ласкательные (например, аргопечское (?) *безобразника* в значении «некрасивая, но милая»), интеллигентно-просторечные, вульгарные, простонародные и другие.

В области морфологических явлений автором выдвигается лишь общее противопоставление «деловой, интеллектуальной речи и речи экспрессивной, живописующей, эмоционально окрашенной» (стр. 83); в то же время выделяется стиль интимной речи и стиль юмора, сатиры (стр. 84, 109). С точки зрения степени экспрессивности А. Н. Гвоздевым оцениваются разные формы и конструкции, прикрепленные к разным стилям разговорной и книжной речи. Так, говоря об употреблении в стихотворной речи кратких прилагательных в качестве обособленных определений («Стоял угрюм тенистый сад»), А. Н. Гвоздев заключает: «Такое употребление прилагательных приобретает характер художественного приема приподнятой речи» (стр. 104).

Характеризуя семантику степеней сравнения и их употребление в разных стилях речи, А. Н. Гвоздев пишет: «Большой экспрессией характеризуется форма превосходной степени с приставкой *нес-*... Исключительной экспрессивностью обладают формы превосходной степени, сопровождаемые родительным падежом того же прилагательного с предлогом *из*...» (стр. 109). «Гиперболизм, рассчитанный на экспрессию, выражает конструкция, состоящая из сравнительной степени и родительного падежа того же прилагательного: *чище чистого, слаще сладкого, яснее ясного, легче легкого, ближе близкого, глуше глушого*» (стр. 110).

Впрочем, иногда делается попытка дифференцировать оттенки экспрессии, например: «Прилагательное или его превосходная степень с приставкой *пре-* выражает большую степень качества с экспрессивной окраской; обычно это образование употребляется в разговорной речи с шутливым или ироническим оттенком...» (стр. 110). Ср. также замечание о стилистической окраске частицы *-ка* (стр. 150).

Но вообще, чем больше удастся автору движение в глубь грамматической синонимии, тем меньше придется ему прибегать к хоть сколько-нибудь дифференцированному анализу экспрессивных разновидностей стиля. Он ограничивается самыми общими замечаниями об экспрессивной окраске форм и конструкций и о связи их со стилями разговорной и книжной речи. Например: «Все добавочные обозначения будущих действий формами настоящего и прошедшего времени имеют экспрессивную окраску и в связи с этим широко используются в разговорной и художественной речи и очень редко встречаются в строго деловой речи» (стр. 147—148). «Повторный союз „и“ подчеркивает однородные члены, а также создает экспрессивную окраску» (стр. 243).

Таким образом, и классификация стилей по экспрессивным качествам в «Очерках» А. Н. Гвоздева лишена единства, цельности и последовательности. По мере перехода от стилистической лексикологии к стилистическому синтаксису, эта классификация постепенно теряет свои очертания. Возникает сомнение в правомерности распространения термина «стиль языка» на разновидности экспрессивной окраски речи.

Подводя итоги, следует повторить, что «Очерки по стилистике русского языка» проф. А. Н. Гвоздева — книга полезная, богатая отдельными интересными, тонкими замечаниями и наблюдениями в области русской грамматической синонимии, ценная по заключенному в ней иллюстративному материалу. Вместе с тем эта книга чрезвычайно наглядно свидетельствует о том, какая путаница и неразбериха еще царит у нас в понимании задач и содержания стилистики, ее основных категорий, ее места в ряду других лингвистических дисциплин.

В. В. Виноградов

Проф. д-р *Емил Георгиев*, Славянская письменность до Кирилла и Мефодия, Изд. Болгарской Академии наук (Ин-т болгарской литературы), София, 1952, стр. 96. Напечатана в дискуссионном порядке. На русском языке.

Труды советских историков (в первую очередь акад. Б. Д. Грекова и проф. Б. А. Рыбакова), установивших происхождение русской государственности и русской культуры в результате внутреннего социально-экономического развития русского общества, а также новые материалы, собранные и открытые советскими археологами, настоятельно требуют углубленных марксистских исследований, освещающих проблему возникновения и исторического развития славянской письменности.

Работы акад. С. П. Обнорского, в особенности его «Очерки по истории русского литературного языка старшего периода» (1946), удостоенные Сталинской премии, ряд статей Д. С. Лихачева о языке раннего киевского и новгородского летописания, о культуре устной речи в древней Руси и предпосылках возникновения русской письменности и литературы¹, надпись первой четверти X в., обнаруженная Д. А. Авдусиным на обломках глиняного сосуда из Гнездовских курганов под Смоленском², новейшие находки проф. А. В. Арциховского, открывшего новгородские грамоты и бытовые письма на бересте XI—XIV вв.³, привели к появлению новых точек зрения на процессы возникновения и развития восточнославянской письменности⁴. В свете новых исторических и филологических данных высокая и самобытная культура древней Руси раскрылась во всем своем блеске⁵.

Совсей остротой стоит вопрос об изучении глубокой восточнославянской доистории, так как стало совершенно невозможным ставить в связь богатейшую самобытную древнерусскую культуру с исключительным влиянием византийско-болгарского просвещения. В той же степени шаткой становится традиционная точка зрения на возникновение восточнославянской и славянской письменности вообще.

И. В. Сталин учит, что «дальнейшее развитие производства, появление классов, появление письменности, зарождение государства, нуждавшегося для управления

¹ Д. Лихачев, Исторические предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы, «Вопросы истории», [М.], 1951, № 12.

² Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров, Древнейшая русская надпись, «Вестник АН СССР», 1950, № 4; П. Я. Черных, Две заметки по истории русского языка, «Известия АН СССР, Отд-ние лит-ры и языка», 1950, вып. 5.

³ А. Арциховский, Новые открытия в Новгороде, «Вопросы истории», [М.], 1951, № 12; В. И. Борковский, Драгоценные памятники древнерусской письменности, «Вопросы языкознания», 1952, № 3.

⁴ См. акад. В. В. Виноградов, Л. П. Якубинский как лингвист и его «История древнерусского языка». (Предисловие к книге Л. П. Якубинского «История древнерусского языка», М., Учпедгиз, 1952).

⁵ См. коллективный труд «История культуры древней Руси», т. II, М., 1951.